

ДВА ОБРАЩЕНИЯ РУМЫНСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ К РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В. Н. Виноградов

Февраль 1917 года. Весть о революции из Питера и Москвы пришла на далекий румынский фронт. Для солдат наступила новая пора — собраний, митингов, выборов в Советы. Много было еще в их среде путаницы и непонимания, слаба пролетарская прослойка, что позволило сладкоречивым эсерам получить большинство в выборных органах, но одно стало ясно сразу же: армия не хотела воевать. Один из местных «уговаривателей», посланных в части перед июньским наступлением, врач Ланда, писал, что в штабе, куда он явился, ему посоветовали подготовиться к неприятностям: «Заранее напишите духовное завещание. В лучшем случае Вас выкупают». Членам различных комитетов, в которых сидели соглашатели, трубившие о войне до победного конца, окопники перестали верить¹.

Особенность положения заключалась в том, что фронт с прилежавшей к нему полосой, где было сосредоточено много русских солдат, проходил по чужой стране — Румынии. На голову румынских правителей неожиданно-негаданно свалилась беда — иноземная миллионная армия, пришедшая в состоянии революционного брожения. Румынский король Фердинанд, узнав о свержении российского собрата, рыдал. Правительство, втайне надеясь на контрреволюционный переворот в России, шесть дней задерживало информацию о Петрограде². Но замолчать революцию оно, разумеется, не могло. В злобном бессилиии наблюдала румынская реакция, как на земле, где вчера еще сигуранца (румынская охранка) пресекала малейшее проявление протеста, шел процесс революционизирования русской армии и как он влиял на город, деревню, румынские войска. «Принять меры», обычные в иные времена, то есть прибегнуть к репрессиям, она остерегалась. Собственные вооруженные силы Румынии еще только оправлялись после страшных потерь, понесенных в кампании 1916 года. Поэтому румынская олигархия заняла позицию выжидания и лавирования.

3 апреля 1917 г. произошло первое со времени вступления Румынии в войну открытое собрание румынских социалистов, приуроченное к похоронам их товарища Оттоя Калина, умершего от сыпного тифа. Речь держал видный деятель партии Михай Георге Бужор, приветствовавший Февральскую революцию³. Он был офицером румынской армии и, опасаясь преследований, ушел после митинга в подполье. Вскоре охранка начала докладывать об усилении активности социалистов.

¹ «Голос революции», 26.VII.1917.

² Biblioteca Academiei R. S. R. Secția de manuscrise. A. Mossoloff. Ma misiunea în România. F. arhiva palatului, mapa XX, № 7, pp. 121—124.

³ V. Liveanu. Influența revoluției ruse din februarie 1917 în România. «Studii», 1956, № 1, p. 21.

В день первомайской демонстрации Бужор ехал в автомобиле в колонне демонстрантов, а из подворотен за этим зрелищем наблюдали шпики. На митинге, состоявшемся в Яссах на площади Объединения, раздавались призывы к свержению румынской олигархии и неприкрытые угрозы по адресу «священной особы» короля⁵.

Характерно, что румынские власти не дерзнули во время манифестации пустить в ход силу. Показательно и другое — не кто иной, как русский посланник А. Мосолов, в недавнем прошлом царский генерал, усиленно советовал румынским министрам избегать «малейшего инцидента, могущего кончиться кровопролитием». Впрочем, его встревоженные собеседники не нуждались в уговорах: посланник немедленно получил самые категорические заверения в требуемом духе. Румынские войска были заперты в казармах и даже полицейские убраны с улиц, дабы избежать конфликта⁶. Лишь осведомители в штатском несли свою службу.

Через несколько дней после демонстрации Бужор уехал в Россию, — надо сказать, к немалому облегчению румынских властей, предпочитавших, чтобы «смутьян» находился подальше от Ясс⁷. Вскоре, однако, Бужор вернулся на родину, чтобы наладить работу среди социалистов. От той поры сохранилось два его письма⁸ — о восстановлении ясской секции социал-демократической партии (СДП) и об организации подпольной типографии. Бужор проживал в помещении Ясского Совета русских солдатских и офицерских депутатов, и это не составляло тайны для румынской разведки. Сигуранца устроила в соседнем доме наблюдательный пост и аккуратнейшим образом фотографировала являвшихся к Бужору людей. Арестовать его боялись. Вскоре руководители Совета сочли неудобным предоставлять Бужору, который ко всему прочему числился еще и дезертиром, свое помещение. У председателя Совета Аксенова состоялся «длинный и резкий» разговор с Бужором⁹, после чего румынский революционер переехал на частную квартиру.

Разумеется, и в этих непривычных для себя условиях румынская реакция продолжала творить расправу. Но уже тот факт, что ей из страха перед русской армией и собственным народом пришлось отказаться от смертной казни по суду¹⁰ и прибегать к тайным убийствам (например, социалиста Макса Векслера), говорит сам за себя.

В задачу статьи не входит воссоздание всей сложной картины классовых отношений в Румынии после февраля 1917 года. Однако отдельные, очень своеобразные черты ее воспроизвести необходимо, ибо они оказывали воздействие на содержание и дух тех документов, к рассмотрению которых мы обратимся. С первым из них, «Докладом-обращением» от имени «Румынской социал-демократической партии и учрежденного в Яссах комитета для подготовки революции», мы ознакомились лишь в русском переводе (с француз-

⁵ ЦГАОР СССР, КМФ-14, за 14, пл. 154, ч. 1, листовка «Cețățeni!» Одесского комитета действия.

⁶ См. «Правда», 31 (18). I. 1918; ЦГАОР СССР, ф. 1001, оп. 1, д. 227, л. 4.

⁷ Архив внешней политики МИД СССР (АВП МИД СССР), ф. 125, оп. 1, д. 10, папка 1, л. 3.

⁸ Фотокопии писем находятся в экспозициях Музея истории Коммунистической партии, революционного и демократического движения Румынии (Бухарест).

⁹ ЦГАСА, ф. 28361, оп. 2, д. 148, лл. 25—26. Заседание румынской группы землячества интернационалистов 17 июня 1933 года. Даже много лет спустя М. Г. Бужор, беседуя с румынским историком В. Ливяну, выражал глубокое недовольство этим поступком, считая его актом примиренчества по отношению к румынским властям (см. V. Liveanu. Op. cit., p. 24).

¹⁰ Премьер-министр Брэтиану заверил нового русского посланника Поклевского, что смертная казнь не будет приводиться в исполнение (ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1232, л. 6).

ского языка)¹¹. Доклад датирован 24 июня 1917 г. и написан в Яссах. К нему приложено письмо, помеченное 30-м числом того же месяца. Хотя переводчик указывает, что подпись под ним неразборчива, все же, по нашему мнению, есть достаточные основания полагать, что автором является М. Г. Бужор¹². В письме сообщается о посылке «обещанного доклада о положении в Румынии», выражается просьба оказать «нужную и даже необходимую помощь», указывается, что ответы следует направлять в «Русский исполнительный комитет в Яссах», для Михайловича¹³. (Уже самый способ корреспонденции — через Ясский Совет солдатских депутатов — показывает, насколько тесные связи существовали между революционерами двух стран.) Далее следует текст доклада. Он начинается с краткой характеристики политической и хозяйственной обстановки в Румынии, сопровождаемой резкими, классово заостренными выводами: «По правде сказать, у нас нет политической жизни» — румынская олигархия лишь для вида разделена на политические партии. Упоминается о «так называемом румынском парламенте». Говорится о разгуле антисемитизма: «По отношению к евреям политика прежняя. Их всех без разбора считают за шпионов. В армии с ними дурно обращаются, терроризируют, бьют, расстреливают»¹⁴.

Положение в Румынии «невыносимое и отчаянное уже в течение многих лет, но теперь оно достигло своей кульминационной точки... Земледельческие работы в этом году были совершены самым скандальным образом. По указанию правительства рекруты, выздоравливающие солдаты, старые крестьяне, женщины и дети со своими орудиями, скотом и семенами принуждались с обычными грубостями обрабатывать поля помещиков под наблюдением жандармов»¹⁵. Зато много крестьянских участков осталось невозделанными. В докладе упомянуты некоторые наиболее известные в истории факты расправы с рабочим и крестьянским движением в Румынии. Говорится о зверски жестоком подавлении крестьянского восстания 1907 г., об арестах социалистов после начала войны, о закрытии их газеты: «Румыния — единственная страна, в которой социалисты не могли сказать ни одного слова за время войны». О судьбе призванных в армию участников движения неизвестно — они находятся «под бдительным надзором». Полиция предупреждает командование соответствующих частей, что это «опасные люди, настроенные враждебно против армии, против войны, против страны...»¹⁶. Известны случаи открытой и тайной расправы с революционерами: убит М. Векслер, в Бакэу казнены семь социалистов; здесь же власти готовили убийство еще тридцати трех. По пути на казнь осужденные встретились с русским отрядом и просили о помощи. Русские вмешались и отбили смертников у стражи. Однако позднее эти социалисты все же стали жертвами террора реакции. В письме рассказывается о манифестациях протеста русских войск,

¹¹ Перевод небезупречен в стилистическом отношении, что видно из приводимых ниже отрывков.

¹² В пользу такого предположения говорит не только то, что Бужор был самым активным из румынских социалистов на неоккупированной неприятелем румынской территории, но и ряд других свидетельств. Во втором письме (декабрь 1917 г.), о котором речь пойдет ниже, сохранившемся в оригинале (французском) за подписью М. Г. Бужора, содержится прямое указание на посылку «Доклада-обращения» международному отделу Петроградского Совета (говорится: «мы послали»), хотя срок указан несколько неточный — начало июля. Вероятно, память тогда изменила Бужору или он подразумевал датировку по новому стилю (АВП МИД СССР, ф. 125, оп. 1, д. 5, папка 1, лл. 20—21).

¹³ Там же, л. 1.

¹⁴ Там же, л. 3.

¹⁵ Там же, л. 2.

¹⁶ Там же, л. 3.

в которых в ряде городов участвовали и местные граждане¹⁷. Правительство вынуждено было отменить смертную казнь. Но «смертная казнь без суда», «преступления без свидетелей» продолжались.

Автор письма отмечает, что два лидера II Интернационала, Вандервельде и де Брукер, при посещении Ясс имели беседу с А. Доброджану-Геря и еще одним румынским социалистом. Доброджану числился в то время на военной службе, и по армии немедленно появился приказ об аресте и предании военному трибуналу лиц, распространявших «ложные или же тенденциозные слухи относительно военного и политического положения Румынии». Заканчивается этот раздел «Доклада-обращения» словами: «Румынская олигархия, этот разлагающийся класс, не способный ни на какое творческое усилие, который живет, как паразит, и дезорганизует все, что попало в его руки, препятствует демократическому развитию страны». И как вывод следует: «Она должна быть сметена!»¹⁸.

Здесь в документе проходит своего рода невидимая грань: кончается краткая сводка положения, начинается собственно обращение к Петроградскому Совету. Говорится о том, что в «столкновении между румынским народом и его правящим классом революционная армия новой России должна сыграть важную и решающую роль... При желании она может в любой момент сделаться хозяином положения. Мы думаем, что это привилегированное господствующее положение революционной армии должно быть использовано для страны, для освобождения ее от внутреннего врага. Иначе говоря, она должна действительно серьезно помочь делу революции, которую мы хотим совершить»¹⁹.

Авторы «Обращения» отнюдь не склонны были преуменьшать ту революционную роль, которую играла русская армия. Об этом говорилось и прямо (причем эта роль подразделялась на «автоматическую» и «активную») и косвенно, например, при упоминании о том, что русские солдаты освобождали румынских социалистов и добились отмены смертной казни. Но авторы хотели большего. Целью армии, подчеркивали они, «должно быть ослаблять и компрометировать день за днем наш румынский царизм... Всю силу, которой она располагает, весь свой революционный порыв, все свое великодушие она должна отдать на служение социал-демократической партии, на борьбу против олигархии, то есть на служение Революции. Ибо мы думаем, что пришло время положить конец этому злостному строю, который является позором и скандалом на всю Европу и который держит румынский народ под игом самого ужасного рабства. Мало найдется румынов, которые назовут себя его защитниками». Свидетельством широкого недовольства в стране авторы считали появление «рабочей партии»²⁰.

В «Обращении» высказано мнение, что сил у олигархии «нет совсем». Она держится у власти «благодаря своему внешнему великолепию, своей обычной наглости, благодаря почтению, которое всегда внушает власть». Вывод делался совсем оптимистический: «И не слишком трудным делом, не слишком тяжелой работой будет ее свержение». Румынские социал-демократы разбросаны по всей стране; в сложившихся условиях налаживание связи между ними «невозможно» или по меньшей мере сопряжено с «тысячами затруднений». Поэтому «необходимо, чтобы на сцену выступила внешняя, так сказать, импунитетная сила, которая не могла бы быть отдана под опеку нашей олигархии и подвергнута ее варварским ударам для того,

¹⁷ В переводе явная опечатка: говорится о «русских гражданах».

¹⁸ АВП МИД СССР, ф. 125, оп. 1, д. 5, папка 1, лл. 4, 5.

¹⁹ Там же, л. 5.

²⁰ Там же (речь идет о буржуазно-демократической Партии труда).

чтобы вместе с нами дать первый толчок...». Эта сила — «революционная армия России», которая «занимает почти все города и важные пункты страны». Румынские гарнизоны в тылу малочисленны, там есть и мобилизованные социалисты, и «везде уже велико недовольство правящим классом». «Будет достаточно овладеть Яссами и Галацем, чтобы считать законченной первую часть нашей задачи свержения олигархии»²¹. В обоих этих городах, как и в других местах, много рабочих, эвакуированных из занятых неприятелем районов: «Это настоящее сборище рабочих, которое может оказать нам большую поддержку. В этом революционном движении мы можем рассчитывать не только на крестьян и рабочих, но и на большинство других слоев населения и на оставшуюся здоровой часть буржуазии. Во всех этих общественных категориях мы найдем элементы, способные сделаться предводителями Румынии будущего на новых основах».

«Мы взываем к вам о помощи, граждане революционной России». Некогда французские революционные войска «принесли народам Европы идеи свободы, равенства и братства... Теперь наступила очередь русских революционных войск принести народам, с которыми они приходят в соприкосновение, в частности, румынскому несчастному народу, те великие идеи, которые связаны с красными знаменами... Они могут принести с собою Революцию, освобождение угнетенных народов и социализм... Русская революция должна спасти румынский народ не только от его внешнего врага, но и от врага внутреннего»²².

Заканчивался доклад деловыми сообщениями и просьбами: печатать революционные манифесты в яских типографиях нельзя; до сих пор социалисты пользовались услугами Одесской секции, но они нуждаются «в маленькой тайной типографии»; «нам нужны деньги». Указывалось, что пока что распространено два манифеста — воззвание Петроградского Совета «Ко всем народам мира» и по поводу первомайской демонстрации в Яссах. Подготовлено два других²³.

«Доклад-обращение», на наш взгляд, не просто интересный, но и глубоко знаменательный документ. Румынская социал-демократия до войны прочно стояла на программных установках II Интернационала. Ключом, открывающим ворота в социализм, объявлялось всеобщее избирательное право. Февральская революция опрокинула веру во всемогущество избирательного бюллетеня. И вот, пожалуй, впервые не на митинге, не в газетной статье, не в личном высказывании, а в обращении от имени социал-демократической партии Румынии содержался призыв к революции, к вооруженному восстанию²⁴. Таким образом, «Доклад-обращение» явился определенным шагом по пути преодоления пользовавшейся в румынской социал-демократии большим влиянием «теории социализма в отсталых странах», разработанной Константином Доброджану-Геря и утверждавшей, что в этих странах (к которым автор относил и Румынию) пролетариат слишком слаб для схватки со всем аппаратом угнетения и подавления. Доклад был пронизан чувством пролетарского интернационализма и классовой ненависти. По одну сторону баррикады — «своя» олигархия; по другую — «чужая», русская армия и румынский народ.

²¹ Там же, л. 7.

²² Там же, л. 8.

²³ Там же.

²⁴ В выпущенном ранее по случаю первомайской демонстрации в Яссах манифесте этот призыв еще не был столь четким, хотя и формулировался в самых энергичных выражениях: «Сметем подлые и праздные подонки, которые господствуют в стране и высасывают из нее соки, и дадим нашему закрепощенному народу полную свободу» (ЦГАОР СССР, КМФ-14, за 32, лл. 154, ч. 1).

Наконец, в отличие от некоторых материалов, выпущенных румынскими революционерами позднее, где несколько недооценивался буржуазно-демократический этап революционного процесса, в «Обращении» говорится именно о нем. Отсюда высокая оценка Партии труда (упоминание о ее «похвальной оппозиции») и причисление «здоровой части буржуазии» к тем силам, на которые можно опереться, указание, что «предводителями Румынии будущего» станут представители разных «общественных категорий».

Эсеры и меньшевики, составлявшие большинство в Петроградском Совете, были заняты по горло тем, чтобы заставить проникнутую антивоенными настроениями русскую армию двинуться в бой, — и не против, а в союзе с румынскими правителями. Не удивительно, что «Доклад» не нашел у них отклика²⁵. И еще одно замечание. Окрыленные быстрым успехом Февральской революции в России, той сравнительной легкостью, с которой был свергнут царизм, авторы «Обращения» явно недооценили силы, возможности и резервы румынской олигархии. Последняя держалась вовсе не только «благодаря своему внешнему великолепию, своей обычной наглости» и тем более «почтению, которое всегда внушает власть». Революционная ситуация в Румынии созрела вовсе не в такой степени, чтобы можно было утверждать: «Не слишком трудным делом, не слишком тяжелой работой будет ее (олигархии, — В. В.) свержение».

События ближайших даже не месяцев, а недель опровергли преувеличенные надежды. По иронии судьбы румынские правители сумели извлечь политические выгоды даже из того бедственного положения страны, прямыми виновниками которого они являлись. Военная неподготовленность армии привела к ее быстрому разгрому в трагической для Румынии осенне-зимней кампании 1916 года. Достаточно сказать, что к концу декабря в строю осталась едва одна десятая часть тех солдат, которые были призваны под знамена в августе. Русским войскам в течение полугода пришлось выносить на своих плечах всю тяжесть борьбы с неприятелем. Тем временем в тылу у них была создана, снаряжена и обучена новая румынская армия. Оккупация большей части Румынии неприятелем, угроза захвата остававшейся еще незанятой территории вызвали подъем патриотических чувств и страстное стремление освободить родину. В тяжелых боях под Мэрэшти, Мэрэшести, Ойтузом в июле — августе 1917 г. реорганизованные румынские дивизии выдержали натиск вражеских полчищ, нанесли им серьезный урон, показали способность вести успешно не только оборонительные, но и наступательные бои. Несомненно, после этих побед румынские правители почувствовали себя увереннее у кормила власти. Обещаниями реформ, аграрной и избирательной, им удалось смягчить недовольство в стране. И если революционным румынским социалистам было ясно, что не следует, говоря словами «Обращения», «иметь даже самое слабое доверие к реформаторской деятельности» олигархии, то никак нельзя сказать этого о крестьянской массе, поверившей королевским обещаниям дать им землю, нельзя сказать этого даже о значительной части рабочих.

Осенью олигархия, осмелев, все чаще и чаще стала прибегать к террору и требовать выдачи уехавших в Россию революционеров²⁶. Поэтому во втором «Докладе-обращении» уже нет ноток необоснованного оптимизма, той явной недооценки сил «врага внутреннего»,

²⁵ В сообщении о работе Отдела международных сношений Петроградского Совета о связях с румынами упомянуто не было («Известия», 27.VIII.1917).

²⁶ Так, в августе румынский делегат при русской ставке, генерал Коанда, ходатайствовал о выдаче Бужора (ЦГВИА, ф. 2003/с, оп. II, д. 142, лл. 432, 432б).

которые сквозят в первом. Французский текст этого документа²⁷, составленного в Одессе 4 декабря 1917 г. от имени находившегося там Комитета действия румынской социал-демократической партии, подписан М. Г. Бужором. Бужор сам привез его в Петроград, где написал сопроводительное письмо, помеченное 15 декабря²⁸. Оба документа были отправлены в Народный комиссариат иностранных дел и лично В. И. Ленину. В письме сообщалось, что с помощью товарищей из Одесского Совета и Румчерода²⁹ скрывшимся из Румынии революционерам удалось создать в Одессе небольшой пропагандистский и организационный центр (Комитет действия). Русские солдаты, отправлявшиеся на фронт, охотно брали с собой революционные материалы, как написанные по поручению комитета, так и переведенные с русского языка. Таким путем в Румынию удалось переправить 85 тыс. экземпляров манифестов и листовок, в том числе 15 тыс. экземпляров ленинского «Декрета о мире», не считая газеты «Lupta» («Борьба»), которая издавалась в Одессе с сентября 1917 года.

М. Г. Бужор упоминал о прошлом «Докладе-обращении». «События помешали тому, чтобы наша просьба была выслушана», — констатирует он и продолжает: «Мы позволяем себе обратиться с новым призывом, еще более настоятельным, в том же духе. Мы считаем с точки зрения политической и социальной, внутренней и внешней время весьма благоприятным для того, чтобы начать в Румынии финальную борьбу. И мы надеемся, что наш призыв будет иметь на этот раз иную судьбу»³⁰.

Самый «Доклад-обращение румынских социалистов к русской революции» начинался с горячего приветствия Октябрю: «Сегодня русская революция держит в своих руках знамя социализма, она стала опорой и надеждой пролетариата соседних стран, а значит, и румынского». Далее в «Обращении» подводился итог прежней деятельности румынской социал-демократии. Указывалось, в частности, что ее программа была построена по образцу немецкой, что в ходе длительной борьбы ей удалось добиться некоторого повышения заработной платы для рабочих, что пролетариат стал важным фактором политической и общественной жизни Румынии, и, считаясь с этим, буржуазии пришлось ввести в стране основы социального законодательства. Но «осадное положение и господство военной диктатуры, установленной с начала войны... сделали невозможной малейшую активность нашей партии после 14 августа 1916 года»³¹. Положение круто изменилось в феврале следующего года: русская революция открыла перед партией и народом новые перспективы. Освобождение Раковского произвело глубокое впечатление в рабочей среде. «Стихийно стали формироваться в различных центрах подпольные организации». Бежавшие в Россию социалисты нашли здесь «гостеприимное убежище». Они создали Комитет действия, «который в настоящее время руководит всем движением»³². Комитет, помимо

²⁷ «Rapport-appel du socialisme roumain à la révolution russe» (АВП МИД СССР, ф. 125, оп. 1, д. 5, папка 1). «Обращение» в сокращенном виде было напечатано в «Правде» 19 января 1918 года. К сожалению, в этот текст вкрались некоторые опечатки. Сопроводительное письмо опубликовано не было. Мы пользуемся французским оригиналом.

²⁸ В своих воспоминаниях М. Г. Бужор сообщает о передаче одного экземпляра «данной докладной записки» в НКВД, а другого — для В. И. Ленина (см. сборник «Об Октябрьской революции». Воспоминания зарубежных участников и очевидцев. М. 1967, стр. 41).

²⁹ Румчерод — Центральный исполнительный комитет солдатских, матросских, офицерских, рабочих и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа.

³⁰ АВП МИД СССР, ф. 125, оп. 1, д. 5, папка 1, лл. 20—21.

³¹ То есть со дня вступления Румынии в войну. Там же, л. 23.

³² АВП МИД СССР, ф. 125, оп. 1, папка 1, д. 5, л. 24.

агитационной работы, «принял меры для организации беженцев и восстановления в изгнании, на территории свободной России, кадров нашей партии». В Одесской секции — более 500 членов³³. Формируются ячейки в других местах румынской эмиграции. Во время стачки 300 рабочих, занятых на эвакуированной из Галаца в Одессу верфи «Ферник», удалось добиться повышения заработной платы. Три раза в неделю выходит газета «Lupta». В Румынии у них «хорошие товарищи, которые с риском для жизни, тайно распространяют нашу литературу и собирают в подпольные революционные комитеты» участников движения. Война уже унесла 400 тысяч жизней. Рабочие по-прежнему не имеют избирательных прав. Парламентский режим отсутствует. А правители «играют старую комедию, обещая «реформы». Таким путем они хотят обмануть европейскую демократию и в особенности русскую революцию. Это злая шутка!»³⁴.

Война показала настоятельную необходимость полного упразднения существующего в Румынии общественного и политического строя: «Это главная цель нашей текущей работы». Авторы обращаются «с горячим призывом к русской революционной демократии», прося помочь в деле освобождения Румынии. Комитет ощущает большую нужду в деньгах — необходимо печатать десятки тысяч манифестов и брошюр, газету. Иных путей получения средств, помимо помощи, нет. Комитет призывал русскую революцию не вести никаких переговоров с румынской олигархией, той, что, «посеяв несчастья и смерть, находясь на краю гибели, нагло осмеливается предпринимать враждебные по отношению к России действия и открыто объединяется с отъявленными врагами революции... Великая русская революция... должна распространить свое благородное влияние прежде всего на Румынию». Из Молдовы движение перекинется на занятую немцами Валахию и «могучим эхом разнесется в Балканских странах». Революция «спасет умирающие народы, освободив их от тиранов, и даст им возможность развиваться в условиях демократии и социализма»³⁵. «Обращение» заканчивалось здравицей в честь революции в России и Румынии.

Затем следовало «Дополнение»³⁶ с перечислением конкретных мер, которые румынские социалисты считали первоочередными. Они предлагали: полностью отказаться от поставок продовольствия румынской олигархии; оказать давление на румынское правительство с тем, чтобы положить конец гонению на социалистов и добиться признания за их партией равных с другими партиями прав на коалиции и издание литературы; расширить контакты с трансильванскими румынами, военнопленными австро-венгерской армии, многие из которых могут стать «хорошими солдатами революции». Необходимая для газеты «Lupta» ежемесячная субсидия определялась в 10 тыс. рублей. «Мы хотим знать, — говорилось в последних строках этого документа, — насколько эффективной может быть военная помощь в случае революции — людьми, снаряжением, автомобилями и т. д., — в особенности помощь (русских. — В. В.) войск в Молдове»³⁷. Таково содержание второго «Доклада-обращения» и приложенных к нему материалов.

Доклад пронизан той же революционной страстностью, безграничной ненавистью к классовому врагу и горячим чувством интернационализма, что и предшествующий, составленный в конце июня. Но встре-

³³ Для сравнения укажем, что в 1915 г. социал-демократическая партия Румынии насчитывала 827 членов; кроме того, в молодежных кружках числилось 439 и в женском — 73 человека. См. «Lupta zilnică», 17.X. 1915.

³⁴ АВП МИД СССР, ф. 125, оп. 1, д. 5, папка 1, лл. 25, 26.

³⁵ Там же, лл. 25—28.

³⁶ В указанном номере «Правды» (19.I.1918) «Дополнение» не было помещено.

³⁷ АВП МИД СССР, ф. 125, оп. 1, д. 5, папка 1, л. 29.

чаются в нем и существенно новые черты. Об одной из них мы упоминали — во втором обращении уже нет того несколько пренебрежительного отношения к силам румынской олигархии, которое можно проследить в первом. Иначе поставлен и вопрос о целях и задачах борьбы. Авторы июньского доклада имели в виду буржуазно-демократическую революцию. Это отражало общие настроения революционного крыла румынской социал-демократии. Образованный тогда же Одесский комитет действия, порвав с реформизмом, взял курс на вооруженное восстание. «Пришло время для румынского народа совершить собственную революцию и освободиться от олигархии и монархии»³⁸, — говорилось в выпущенном в июле манифесте. Но ни слова здесь не было о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о необходимости свержения власти капитала.

После Великой Октябрьской социалистической революции с этим ограниченным толкованием задач, стоявших перед румынским революционным движением, было покончено. От идеи буржуазно-демократической революции («Долой монархию! Долой олигархию!») левые социал-демократы перешли к идее революции социалистической, выдвинув требование «прогнать мироедов и предателей от власти, чтобы сам народ через своих людей взял в свои руки управление страной»³⁹. Этот качественно новый этап в толковании задач отразился и во втором «Докладе-обращении», где об устранении существующего общественного и политического строя говорится как об основной цели. Правда, в «Обращении» нет детального анализа расстановки классовых сил, не выдвинут тезис о необходимости и неизбежности завершения буржуазно-демократической революции как этапа в развитии революционного процесса, отсутствует план действий, в том числе и по привлечению крестьянских масс на сторону социализма. На все это требовалось время и опыт классовых боев, все еще недостаточный. Но почин был сделан. Социалистическая революция в Румынии была поставлена в повестку дня.

Во втором «Докладе-обращении» еще можно уловить отзвуки чрезмерных надежд на помощь и поддержку находившейся в Румынии русской армии, на что в декабре 1917 г. не имелось ни малейших оснований. Старая русская армия, как боевая сила, перестала существовать. Солдаты жадно стремились домой, целые полки и дивизии уходили с позиций. Новое войско рабочих и крестьян еще не было создано. Румынская олигархия воспользовалась этим и в том же декабре нанесла предательский удар по покидавшим окопы русским частям, разоружив и пленив тысячи солдат.

Разумеется, не отдельные недостатки теоретического и практического характера, встречающиеся в упомянутых документах, определяют их значение, а революционная страстность и беззаветная готовность служить пролетариату, разрыв со старыми взглядами легализма и реформизма, пламенный пролетарский интернационализм, глубокая вера в победу того дела, которое было начато Февральской революцией и Великим Октябрем.

Прошел всего месяц после составления второго «Доклада-обращения». Румынская реакция, используя трудное положение, в котором оказалась Советская Россия, посягнула на ее территорию, начав вторжение в Бессарабию. И тогда члены Одесского комитета действия вместе с сотнями других румын-интернационалистов, взяв в руки винтовки, отправились на фронт. Газета «Lupta» писала 13 января 1918 г.: «В день, когда землю Бессарабии начали топтать захват-

³⁸ «Documente din istoria Partidului Comunist din România». Vol. I. București. 1956, p. 13.

³⁹ Ibid., pp. 19—21.

нические войска олигархии, румынские рабочие, крестьяне и солдаты, проживающие в Одессе, организовали демонстрацию на улицах этого большого черноморского города и обратились в русские революционные организации за оружием, чтобы выйти на борьбу против правительства, которое, погубив страну, трусливо обратило оружие против русской революции»⁴⁰. Отпор интервентам они неразрывно связывали с классовыми боями в своей стране: «Наша революция начинается!»⁴¹— провозгласил Комитет. Интернационалисты отправились в долгий, исполненный страданий и славы поход. Многим не суждено было дожить до победы; многие встретили смерть и обрели бессмертие в боях за российскую и румынскую революции. И ныне, через полстолетия после Великого Октября, их подвиги живы в памяти современников и потомков.

⁴⁰ Цит. по: В. Рожко. Дружба, закаленная в боях. Кишинев. 1965, стр. 32—33.

⁴¹ ЦГАОР СССР, КМФ-14, за 32, лл. 154, ч. III («Muncitori, țărani și soldați români din Odessa! Revoluția noastră începe!»).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРНИЦЫ